

**НЕКОТОРЫЕ
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ ВООРУЖЕННОГО
ДВИЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАНСКОМ
КРАЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО
РЕЖИМА (1918–1924 гг.)**

Кахрамон РАДЖАБОВ

*заведующий отделом Института истории АН РУ,
д.и.н., г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Действенный импульс обновлению и переориентации современной отечественной исторической науки придало обращение к теории и методологии анализа исторического процесса, накопленных мировой наукой. При всём многообразии концептуальных моделей истории, методологических подходов к её осмыслению в плане исследования изучаемой нами проблемы более рациональные перспективы открывает использование эвристического потенциала цивилизационного подхода [1].

В XX веке трудами Арнольда Тойнби о своеобразных и относительно закрытых локальных единствах (региональные цивилизации), Освальда Шпенглера о высоких локальных культурах, Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах, Питирима Сорокина о культурных суперсистемах, Карла Ясперса о трехэтапной истории, Самюэля Хантингтона об антагонизме цивилизаций – было заложено новое понимание исторического процесса: вместо ранее господствовавших теорий о единстве истории человечества и его прогрессирующем развитии были выдвинуты идеи о существовании ряда не связанных между собой исторических образований, цивилизаций, по своей сути целостных и

самобытных, сохранявших свою уникальность даже при изменении своих частей или давлении внешних обстоятельств [2].

При разнообразии используемой этими учеными терминологии относительно выдвинутых ими исторических образований, цивилизаций, они были едины в признании решающим критерием в их определении социокультурных аспектов. У А.Тойнби это – религия, история, язык, обычаи и культура. Питирим Сорокин также отмечал, что каждая из культурных сверхсистем «обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом «святости», собственными представлениями правого и недолжного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими правами, законами, кодексом поведения, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением» [3].

Основоположники «Новой исторической науки» или школы «Анналов», крупнейшие французские историки М.Блок и Л.Февр [4] и их последователи также признавали приоритетность в исторических исследованиях учета миропонимания людей изучаемого общества, их менталитета. По свидетельству М.Блока в их исторических исследованиях «особое место занимала история чувств и образа мышления эпохи». Именно в истории ментальности основатели этой школы видели «суть истории», позволяющей осуществить «всеобщий исторический синтез». Российский ученый А.Я. Гуревич, в годы перестройки много сделавший для пропаганды творчества основателей этой школы, отмечал, что «в контексте исторического исследования рассмотрение «внутренней» точки зрения людей изучаемого общества, их миропонимания, менталитета диктуется необходимостью объяснить их поведение. Как неоднократно подчеркивали «анналисты», социальное поведение людей лишь отчасти диктуется их материальными интересами и социальным положением, – в огромной степени оно детерминировано

совсем другими факторами – религиозным, этническим менталитетом, образованием или его отсутствием, половозрастной принадлежностью и т.д... Действие материальных факторов невозможно понять, если продолжать игнорировать весь этот мир эмоций и идей, культурных традиций, верований и стереотипов» [5].

Конечно, при современных процессах глобализации, ускоряющейся интеграции, свидетельствующих о формировании всемирной цивилизации, основанной на общности технологий, единстве прав экономического поведения, общей сети трансляционных и иных связей, интенсификации всех форм взаимосвязи – спорен тезис последователей цивилизационного подхода о «замкнутости», «целостности», локальной цивилизации. Тем не менее, следует подчеркнуть позитивность концепции цивилизационного подхода в плане выдвинутых ею идей о многообразии исторического процесса, базисных критериях цивилизаций, постоянно сохраняющих свое значение и смысл и т.д. Созданные этим методом новые ориентации познания исторического процесса оказались более перспективными. Подтверждение этому новое мироустройство независимых государств, возникших на постсоветском пространстве. Одной из составляющих этого мироустройства явилось обращение к своим цивилизационно-культурным истокам, этической философии, к основам собственной культуры и религиозным традициям.

Смена методологических основ научного исследования предопределила потребность в инвентаризации понятийного аппарата изучаемого объекта, уточнения содержания используемых понятий в соответствии с уровнем современных знаний, достижения более адекватного отражения ими этих знаний. Это, прежде всего, относится к трактовке таких понятий как «национализм», «национальное движение», «басмачи» и «басмачество».

Основополагающими положениями классического марксистского подхода к «национализму» являлись: во-первых, национализм – буржуазная идеология, служащая интересам буржуазии и, во-вторых,

национальное движение – особая форма классовой борьбы. В целом национализм в любой форме признавался неприемлемым для трудящихся.

Тем не менее, в советском обществоведении существовал «двойной стандарт» в оценке национализма [6]. Если марксисты считали исторически оправданным признание прогрессивности национализма угнетенных наций мира, вступивших в борьбу против колониализма за свою независимость и свободу, то совершенно иным подходом характеризовалось их отношение к национализму народов, входивших в состав Российской империи, а позднее советского государства. Считалось, что буржуазные и реформистские идеологи, спекулируя лозунгом «общенациональных» интересов, используют национализм как утонченное средство подавления классового сознания трудящихся, оправдания национальных движений. Соответственно все восстания, вооруженные движения против царского колониализма и особенно против советского режима, происходящими под идеологическими лозунгами национализма однозначно характеризовались реакционными, выражающими идеологию и интересы эксплуататорских классов.

Все эти положения не подтверждаются политической историей XX века и мировой обществоведческой наукой. В последней «существует единство во мнениях относительно того, что национализм, несмотря на свою эмпирическую сложность, имеет следующие общие черты: 1) он основывается на принципе, согласно которому правительства должны иметь ту же культурную идентичность, что и рядовые граждане; 2) в результате этого культурный национализм, политикой которого является сохранение или возрождение национального наследия (например, возрождение языка), создает основу для национализма политического, стремящегося к самоуправлению и политическому превосходству; 4) националистические идеологии весьма привлекательны для подчиненных классов, которым они обещают определенную экономическую защиту от представителей других наций...» [7].

Социокультурный подход, изучение общественных явлений и процессов с позиции менталитета, миропонимания народа позволяет определить позицию и относительно дефиниций «басмачи» и «басмачество». Слово «басмачи» происходит от тюркского глагола «босмоқ» (совершать внезапные нападения). Туркестанцы боровшиеся против царского и советского режима, никогда не называли себя «басмачами». В народе этим словом называли преступные элементы, воров, хулиганов. Логичнее было бы назвать «басмачами» тех, кто завоевывал чужой край.

Интерес представляет и употреблявшиеся самими участниками движения самоназвания. В воспоминаниях одного из руководителей движения, Шермухаммадбека повстанцы именуется «курбаши». Его младший брат Нурмухаммадбек, подчеркивая, что участники движения – это «сыны края, поднявшиеся на борьбу с лозунгами защиты Родины, Веры, Нации», – далее отмечал, – выражение «басмачи» мы слышали позже. Мы называли друг друга «курбаши». В первоисточниках изучаемого периода (письма и воззвания руководителей движения) встречаются и такие наименования повстанцев, как «истиклолчилар», «мужохидлар», «фидойилар». Непосредственные свидетели того времени Абдулла Раджаб Байсун Туркистанли, Мухаммад Муса Туркистоний, Шахобиддин Яссави [8] в своих трудах также именовали участников движения, а само движение – «миллий мужодада ҳаракати» («национально-освободительное движение»).

В нашем исследовании, с учетом основной, целевой направленностью движения – борьбой за свободу и независимость своего народа, используются такие дефиниции, как «вооруженное движение против советского режима», «вооруженная борьба», «движение оппозиции», «вооруженная оппозиция», «борьба национальной оппозиции», «оппозиционные силы», «движение против советского режима», «повстанцы», «борцы».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Раджабов К.К. Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918–1924 гг.). Автореферат дисс... докт. ист. наук. Т., 2005. 64 с.
2. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991; Шпенглер О. Закат Европы (Очерки морфологии мировой истории). Минск: Попурри, 1997. Т. 1, 2; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991; Хантингтон С. Янги дунё манзаралари (Цивилизациялар тўқнашуви) // Моҳият. 2003, 17 январ.
3. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество... С. 22.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-изд. М.: Наука, 1986; Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
5. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. №2-3. С. 33-34.
6. Абдуллаев Р.М. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы.: Автореф. дис... докт. истор. наук. Т., 1998. С. 20.
7. Аберкромби Н. и др. Социологический словарь. / Перевод с англ. М.: Экономика, 2000. С. 183.
8. Türkistanli Abdullah Receb Baysun. Türkistan Milli Hareketleri. Istanbul, 1945; Мухаммад Мусо Туркистоний. Улуғ Туркистон фожиаси (на узбекском языке арабской графикой). Мадинаи Мунаввара, 1399 (1979); Шаҳобиддин Яссавий Исмоилшайх ўғли. Türkistan Acciq Haqiqatlari. 2-Baski. (на узбекском языке арабской графикой). Истанбул, 1984.